

УДК 342.56

Роль Конституционного Суда Российской Федерации в процессах совершенствования федеративных правоотношений и гармонизации конституций, уставов и законов субъектов Российской Федерации

Б.А. Осипян,

кандидат юридических наук, доцент
Россия, Москва
artos5@mail.ru

Высказывается мнение, что Конституционный Суд Российской Федерации посредством правомерного решения конкретных дел и выработки определенных правовых позиций может и обязан, используя свое право законодательной инициативы, помогать законодателю своевременно вносить изменения и дополнения в федеральное законодательство, а также задавать конституционным и уставным судам субъектов Российской Федерации правильные концептуальные направления их деятельности по гармонизации российского законодательства.

Ключевые слова: совершенствование федеративных правоотношений, право законодательной инициативы, правильные концептуальные направления, гармонизация российского законодательства.

Как известно, процесс постепенного приведения конституций, уставов, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации (далее — субъекты РФ)¹ в соответствие с Конституцией Российской Федерации 1993 года (далее — Конституция РФ) и федеральными законами заметно оживился в начале 2001 г. после создания Комиссии при Президенте Российской Федерации по подготовке предложений о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления [45]. Нисколько не пытаясь умалить очевидные успехи президентской Комиссии в деле совершенствования федеративных правоотношений, отметим, что процесс гармонизации российского конституционного и обычного законодательства не может быть оптимальным без активного ежедневного участия в нем органов конституционного правосудия — Конституционного Суда Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ), конституционных и уставных судов субъектов Российского государства.

В соответствии с п. «в» ч. 2 ст. 125 Конституции РФ объектом конституционного контроля и проверки на правомерность [14, 18] и конституционность являются не только международные договоры Российской Федерации, но также внутригосударственные, или внутрисоссийские договоры и соглашения. На основании ст. 84 Федерального конституционного закона

от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее — ФКЗ о КС РФ) [32] правом обращения в Конституционный Суд РФ с запросом о конституционности предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 125 Конституции РФ договоров между органами государственной власти Российской Федерации обладают Президент РФ, палаты Федерального Собрания РФ, Правительство РФ, Верховный Суд РФ, Высший Арбитражный Суд РФ, органы законодательной и исполнительной власти субъектов РФ. Однако Конституционный Суд РФ вправе рассмотреть не всякий запрос указанных субъектов конституционного права. К примеру, согласно ст. 85 ФКЗ о КС РФ такой запрос недопустим, если требуется проверка конституционности нормативного акта субъекта РФ по вопросам его исключительного ведения.

Согласно ч. 3 ст. 11 Конституции РФ разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ осуществляется Конституцией РФ, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий. Федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов РФ вправе передавать друг другу свои полномочия, если это не противоречит положениям Конституции РФ и федерального законодательства.

В Федеральном законе от 24.06.1999 № 119-ФЗ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между

¹ Напомним, что слово «федерация» происходит от латинского слова «foederatio» — союз, объединение, то есть «поместный договор».

органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» [30] под договором понимается форма добровольного согласования между органами государственной власти РФ и органами государственной власти ее субъектов взаимных обязанностей и способов их исполнения. Содержание такого договора не должно противоречить положениям Конституции РФ и федерального законодательства [10]. Прямой функциональной обязанностью Конституционного Суда РФ является постоянная проверка и контролирование правомерности и конституционности внутригосударственных договоров, а также процедуры их подписания. Сам порядок подготовки и подписания договоров и соглашений был установлен лишь 12 марта 1996 года Указом Президента РФ № 370, которым было утверждено Положение о порядке работы по разграничению предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации и о взаимной передаче осуществления части своих полномочий федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации [34].

Исторически еще не так давно договоры и соглашения между органами государственной власти РФ и ее субъектов были основным методом упорядочения федеративных отношений. Согласно данным правовой статистики общее количество таких договоров превысило полсотни, а количество производных от них соглашений достигло более трех сотен [5, с. 277]. Несмотря на многолетнюю практику договорного строительства федеративных отношений между субъектами РФ, в начале 90-х гг. прошлого века законодательно не были установлены ни порядок заключения договоров и соглашений, ни механизмы ответственности за их ненадлежащее исполнение и т.д. [12]. Такая неопределенность со временем закономерно привела к необходимости конституционного и законодательного закрепления таких понятий, как разграничение предметов ведения и полномочий, совместные полномочия, их делегирование и т.д. Все эти понятия и определения были прописаны в статьях 5, 11, 71, 72 и 78 Конституции РФ. Отныне разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами должно было производиться прежде всего на основании Конституции РФ и не противоречащих ей внутрифедеральных договоров. Поэтому сложившаяся в 1991—1992 гг. доконституционная спорадическая практика заключения договоров между субъектами Российской Федерации

постепенно привела к тому, что эти договоры в основном противоречили положениям Конституции РФ и федерального законодательства.

Роль договоров между субъектами РФ особенно возрастает там, где Конституция РФ и федеральное законодательство содержат прямые ссылки на соответствующие договоры. Так, например, согласно ч. 4 ст. 66 и ст. 73 Конституции РФ отношения автономных округов, входящих в состав края или области, регулируются также договором между органами государственной власти перечисленных субъектов РФ, которые вне пределов ведения Российской Федерации и вне предметов совместного ведения обладают всей полнотой государственной власти. Если положения Конституции РФ и федерального законодательства не устанавливают порядок регулирования тех или иных правоотношений между равноправными субъектами РФ и договора между ними нет, то Конституционный Суд РФ должен воздерживаться от самовольного сочинения конституционных или законодательных норм.

В одном из своих решений Конституционный Суд РФ все же не смог удержаться от такого соблазна и вышел далеко за пределы своей компетенции. Например, в постановлении от 14.07.1997 № 12-П «По делу о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области» [37] Конституционный Суд РФ неправоммерно и необоснованно предположил, что отсутствие договора между такими равноправными субъектами РФ, как автономный округ и край (область), не может служить препятствием для распространения юрисдикции органов государственной власти края, области на автономный округ. Таким образом, Конституционный Суд РФ принял такую правовую позицию, которой фактически отказал автономным округам как равноправным субъектам РФ в их праве по своему усмотрению распоряжаться объемом полномочий, которые предоставлены им ст. 72 Конституции РФ. По справедливому замечанию М.В. Глигич-Золотаревой, из 50 полномочий автономным округам достались лишь 18, а остальные полномочия были произвольно изъяты из их ведения и переданы краям и областям [5, с. 293, 301]. Подобная непоследовательность правовых позиций и решений Конституционного Суда РФ проявилась также и в его постановлении от 31.07.1995 № 10-П [33] по «чеченскому делу», в котором количество особых мнений судей достигло беспрецедентного максимума.

При заключении договоров и соглашений между федеральными органами государствен-

ной власти и субъектами Российской Федерации должен соблюдаться конституционно закрепленный принцип добровольности строительства правовых взаимоотношений между различными субъектами РФ, то есть принцип реального федерализма [51]. Это предполагает, что при проверке правомерности и конституционности положений таких соглашений между договаривающимися сторонами — субъектами РФ Конституционный Суд РФ обязан всегда учитывать конституционные цели и требования, установленные в преамбуле и ст. 5 Конституции РФ относительно права народов на свободное самоопределение [52]. Иными словами, и Федеральное Собрание РФ, и Конституционный Суд РФ обязаны предусмотреть необходимость и обеспечить реальную возможность культурного развития национальных субъектов РФ, а также исключить возможность произвольного изменения их статуса и перераспределения полномочий посредством сугубо централизованных административно-правовых методов.

Соблюдение баланса правомерных интересов федеральных и региональных органов государственной власти должно стать одним из основных ориентиров для правомерной деятельности Конституционного Суда РФ. Более взвешенный подход к разрешению конфликтов между Центром и регионами России отражен в уже упоминавшемся постановлении Конституционного Суда РФ от 14.07.1997 № 12-П и в постановлении от 16.11.2004 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 10 Закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан» [36, 41].

По мнению некоторых российских ученых-правоведов [5, с.219], конституционная база в России недостаточна для обеспечения эффективности договорного процесса, поскольку сама Конституция РФ не предусматривает возможность перераспределения полномочий субъектов РФ в рамках ст. 71 и 72. Например, правовые позиции Конституционного Суда РФ, выраженные в постановлении от 9.01.1998 №1-П «По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации» [38], несколько не умаляют актуальности уточнения полномочий в рамках совместного ведения путем заключения двусторонних договоров [12]. В этом аспекте представляется, что договорный метод урегулирования федеративных

правоотношений между федеральными и региональными органами исполнительной власти на твердом фундаменте Конституции РФ еще полностью себя не исчерпал. Следовательно, в законодательство и впоследствии в ст. 11 Конституции РФ необходимо внести соответствующие уточнения о порядке заключения, выполнения, изменения и прекращения договоров о разграничении предметов ведения и перераспределении полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами. Следует также установить конституционно закрепленную систему взаимной правовой ответственности всех субъектов РФ за ненадлежащее выполнение официально взятых на себя федеративно-договорных обязательств.

Несмотря на постоянные усилия федеральных органов законодательной и исполнительной власти, направленные на унификацию российского законодательства, в правовой системе Российской Федерации, в том числе и в самой Конституции РФ, имеется множество изначально неправомерных, неконституционных и внутренне противоречивых законодательных положений¹. Под процессом судебно-правовой гармонизации конституций, уставов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ понимаются правомерные и скоординированные действия российских органов конституционной юстиции, нацеленные на восстановление нарушенного единодушия между федеральными и региональными законами, на достижение их характерного и содержательного соответствия, на единообразие их действия при существенном разнообразии региональных условий их действия [13,14].

С момента своего учреждения Конституционный Суд РФ, имея наиболее высокий конституционно-правовой статус², фактически осуществляет начальное и общее руководство всем процессом гармонизации законодательства субъектов РФ. В процессах конституционной гармонизации законодательства Российской Федерации и ее субъектов первенство Конституционного Суда РФ перед конституционными и уставными судами субъектов РФ определяется высшей силой и прямым действием положений Конституции РФ, на основании которых выносит свои решения Конституционный Суд РФ, а его правовые позиции, в свою очередь, служат руководящими ориентирами для всех остальных российских органов конституционного правосудия, которые содей-

¹ См. подробно: [21, с.163—191].

² Имеется в виду прежде всего то, что процесс гармонизации российского законодательства происходит на основании и во исполнение главного и высшего закона — Конституции РФ, в ст.125 которой устанавливаются этот высший статус и исключительные полномочия Конституционного Суда РФ в деле централизованной и единообразной гармонизации правовых актов, перечисленных в пункте «б» указанной статьи. При этом решения органов конституционной юстиции субъектов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции, не могут противоречить соответствующим решениям Конституционного Суда РФ. См. подробно: [19].

ствуют высшему органу конституционного правосудия в деле общей гармонизации российского законодательства.

Безусловно, эта необходимая и полезная правовая идея и фактически происходящий процесс ее реализации нуждаются в адекватном законодательном отражении, в частности, как в положениях самой Конституции РФ, так и в положениях законов о конституционных и уставных судах. И в этом нет ничего удивительного, поскольку в правовой жизни общества некоторые фактически сложившиеся правоотношения подчас значительно опережают правосознание самого законодателя, который, благодаря наблюдательности и творческой активности ведущих ученых-правоведов, а также их своевременным советам понимает и официально признает необходимость и практическую целесообразность законодательного упорядочения этих правоотношений [19].

Не совсем четкое закрепление в Конституции РФ основ федеративно-договорного государственного устройства России, естественно, порождает в сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов множество проблем, которые остаются актуальными до сих пор [16]. Некоторые ученые-конституционалисты небезосновательно полагают, что эти проблемы изначально заложены в самой Конституции РФ [1, 7, 46, с. 164—165]. В целях решения этих проблем предлагается четко определить пределы взаимной правовой ответственности центральных и региональных органов единой государственной власти, согласовать их компе-

тенцию на основе сотрудничества, дать более ясное финансово-экономическое и организационное обоснование их полномочий по разделенным предметам совместного ведения.

Вопросы разграничения предметов ведения и полномочий между федеральным центром и субъектами РФ, особенно в сфере совместной компетенции, — наиболее тонкие и сложные. Статьи 72 и 73 Конституции РФ недостаточно ясно устанавливают критерии разграничения и процедуры реализации так называемых совместных и остаточных полномочий¹ в этой сфере с учетом как интересов Российской Федерации в целом, так и его составных частей [17]. Иными словами, для устранения зыбких политических соблазнов возможного смешения и дублирования разноуровневых полномочий органов конституционного правосудия России необходимо законодательно определить конкретную сферу их повседневной деятельности. В частности, в ст. 73 Конституции РФ необходимо четко установить исключительные полномочия конституционных и уставных судов субъектов РФ. Возможно, что такая конституционно-законодательная неопределенность в какой-то мере затянута процесс создания таких судов в субъектах РФ.

К великому сожалению, в современной России конституционно и законодательно в полной мере не устранены крайности принудительного великодержавного унитаризма² и своевольного регионального сепаратизма. По причине такой конституционно-законодательной неопределенности и возникают всякие

¹ Под остаточными полномочиями органов конституционной юстиции субъектов Российской Федерации имеются в виду те полномочия, которые не являются исключительными или совместными полномочиями в соответствии со ст. 71 и 72 Конституции РФ, но являются, так сказать, исключительными полномочиями конституционных и уставных судов субъектов России.

² В Конституции РФ имеется ряд очевидных пробелов, которые лишают ее необходимых свойств Основного Закона федеративного государства. Так, например, в ст. 98 Конституции РФ понятие и принципы депутатской неприкосновенности установлены только для членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы РФ, но не для депутатов законодательных (представительных) органов субъектов РФ, несмотря на то, что подобный статус закреплен в соответствующих статьях конституций субъектов РФ. По этой причине при рассмотрении дела по запросу Председателя Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан К.Б.Толкачева от 06.02.2009 № 1915/15-01/09 о проверке конституционности пп. «д» п. 1 ст. 13 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31.10.2003 и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27.01.1999 и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» Конституционный Суд РФ оказался в тупиковом положении. Дело в том, что в оспариваемом пп. «д» п. 1 ст. 13 указанного Закона из п. 9 ст. 448 Уголовно-процессуального кодекса РФ законодательно были исключены слова «на основании заключения коллегии, состоящей из трех судей верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа». Ввиду того что основной целью конституционного принципа депутатской неприкосновенности является гарантия беспрепятственной деятельности депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ, а такая гарантия возможна только при надлежащем судебном-коллегиальном контроле за процессом возбуждения правоохранительными органами против депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ уголовного дела, представляется, что законодательно поправленный пп. «д» п. 1 ст. 13 ФЗ от 25.12.2008 № 280-ФЗ неправилен и потому даже при очевидной пробельности Конституции РФ неконституционен, так как противоречит понятию принципа депутатской неприкосновенности, закрепленного в ст. 98 Конституции РФ и ст. 70 Конституции Республики Башкортостан, предусматривающих особый статус депутатов и порядок лишения их неприкосновенности, а также ранее установленным правовым положениям уголовно-процессуального законодательства, которые предусматривают повышенный судебный контроль в целях предотвращения возможного произвола правоохранительных органов, участвующих в процедурах возбуждения уголовных дел против депутатов законодательных (представительных) органов власти федерального и регионального уровней. Однако очевидный пробел в Конституции РФ лишает Конституционный Суд РФ права признания неконституционности такой законодательной поправки, поскольку в самой Конституции РФ нет положительного решения этого вопроса, а Конституционный Суд РФ при принятии соответствующего правового решения не может сослаться на ст. 70 Конституции Республики Башкортостан и потому, при отсутствии у него также понятия и критерия правомерности, вынужден будет признать такую неправомерную законодательную поправку соответствующей Конституции РФ.

политические недоразумения и неурядицы, поскольку, как полагали наши мудрые предки, не своевольная политика наемных и сменных глав государств должна определять содержание идеи права и принимаемых государственных законов, а право и правомерные законы должны стать обоснованием всякой разумной и долговременной государственной политики [20]. В частности, недостаточная определенность, связанная с полномочиями Российской Федерации и ее субъектов, побуждает некоторых известных российских конституционалистов предлагать отказаться от понятия предметов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов и призывать законодательно четко обозначить отдельные компетенции Российской Федерации и ее субъектов для устранения возможных случаев их неправомерного и дисфункционального вмешательства в дела друг друга. В то же время вместо спорадических полумер по реформированию бесконцептуальной Конституции РФ предлагается принять новую Конституцию, основанную на единой правовой идеологии [48, с. 42—50, 22].

Представляется, что оптимальный вариант строительства качественно новых федеративных отношений — признание в преамбуле Конституции РФ основополагающего факта добровольности Федерации с изначальной и постоянной конституционной презумпцией добровольности такого федеративно-государственного объединения. Дело в том, что без презумпции истинной добровольности создания федеративного союза начинают действовать вышеназванные крайности имперского гнета или провинциального своенравия. Целесообразно также предельно конкретизировать предметы совместного ведения и компетенции федерального центра и субъектов РФ в двусторонних договорах и соглашениях, которые не противоречили бы Конституции РФ и федеральному законодательству. При этом договорный способ разграничения предметов ведения и полномочий должен носить факультативный характер, если добровольность федеративных правоотношений предполагается и остается вне всякого сомнения.

По справедливому мнению В.В. Путина, в России еще нет полноценного федеративного государства, федеративные отношения не построены и не развиты, региональная самостоятельность часто трактуется как санкция на дезинтеграцию государства [24]. Представ-

ляется, что причины такого противоречивого понимания самостоятельности национально-государственных субъектов РФ до сих пор полностью теоретически, конституционно и законодательно не устранены. Именно поэтому очевидные факты все еще не решенных и даже, казалось бы, законодательно уже устраненных законодательных противоречий между Федерацией и ее субъектами имеют вовсе не историческое, а всегда актуальное значение. Дело в том, что упорное нежелание или неспособность ученых-юристов и политиков понять истинную причину и правомерно разрешить ту или иную обозначившуюся проблему впоследствии вынуждает государство и законодателя снова и снова больно сталкиваться в будущем с теми же «решенными» проблемами давнего или недавнего прошлого. Это и понятно. Ведь если временно устранены лишь симптомы болезни, то это вовсе не означает, что устранены причины самой болезни, которая из-за беспечности больного и своей запущенности может со временем только усугубиться, а порой даже стать смертельной.

Как известно, понятие Российской Федерации органически сочетает в себе закрепленные в преамбуле Конституции РФ понятия — принципы равноправия и самоопределения народов суверенного Российского государства и цель — сохранение исторически сложившегося государственного единства. Именно поэтому ст. 15 Конституции РФ придает конституционным положениям высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории страны. Это накладывает на все органы государственной власти и местного самоуправления, должностных лиц, общественные объединения и каждого человека обязанность не совершать действий, которые противоречили бы Основному Закону страны [54, 53, 55]. Некоторые российские конституционалисты рассматривали федерализм как разновидность государственно-правового полицентризма. С этой точки зрения, по их мнению, современный российский федерализм крайне нестабилен и находится в начальной стадии своего становления [5, с. 127, 214]. Отмечалось также, что государственность республик Российской Федерации имеет этнические корни, что проявилось при конституционном закреплении их неотъемлемого права на самоопределение и их добровольном вступлении в Российскую Федерацию¹. Авторы первоначальных текстов основных законов таких субъектов РФ, как

¹ Такая позиция, например, отразилась в конституционных положениях ряда республик России. Например, в Конституции Республики Тыва 1993 года (ч. 2 и 4 ст. 1) Федеративный договор рассматривался как свидетельство государственного суверенитета республики и ее права на самоопределение путем всенародного референдума Республики Тыва. Аналогичные положения имелись и в конституциях Бурятии, Кабардино-Балкарии, Татарстана, Удмуртии, Чечни, Якутии и других республик.

Бурятия, Кабардино-Балкария, Татарстан, Тыва, Удмуртия, Чечня и Якутия, придерживались концепции так называемого двойного суверенитета. Исходя из своих национально-региональных особенностей, они дали собственное определение понятию суверенитета как меры национальной самостоятельности в обеспечении своего экономического, социального и культурного развития и обладания всей полнотой государственной власти вне пределов ведения и полномочий федерального центра. Корни и причины такого своеобразного восприятия конституционно-правовых понятий некоторыми субъектами РФ произрастают не только и не столько из тех или иных блуждающих в умах их руководителей личных пристрастий, сколько из правовой реальности, которая определяет как сами направления развития законодательства, так и ту или иную долговременную политическую конъюнктуру. Поэтому ранние или более поздние решения Конституционного Суда РФ, которые не касаются глубины этих противоречивых и болезненных процессов конституционного законотворчества, в данной статье не используются по причине их изначальной безотносительности, поверхностности и бесполезности.

Например, Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 20.06. 2000 [31] признал неконституционность части принятых в некоторых субъектах РФ конституционных положений. Представляется, что правовое и практическое решение таких фундаментальных проблем федерализма и конституционного законотворчества изначалью является делом создателей концепции Конституции РФ и федеративного (федеративных) договора (договоров) и основ федерального законодательства. В идеальном варианте все разумные правовые решения таких фундаментальных проблем должны быть даны в будущем в самом тексте обновленной Конституции РФ, разумеется, с учетом также разработанных правовых позиций и многолетней практики Конституционного Суда РФ. Только при таком серьезном подходе к решению поставленной проблемы можно будет впоследствии деятельно предотвращать проявления неправомерного «опережающего законодательства» субъектов РФ, в особенности по вопросам национального суверенитета и предметам исключительного или совместного ведения. Сама Конституция РФ должна содержать единую концепцию разграничения предметов ведения и полномочий, исходя из четких правовых критериев и многообразных правовых измерений [14, 18], чтобы не допустить блокирования федеральной системой права законодательства субъек-

тов РФ, равно как и дублирования норм федерального и регионального законодательства.

Конституции некоторых республик Российской Федерации объявили землю и другие природные ресурсы национальным достоянием и собственностью граждан и народов этих республик. Так, например, в ст. 8 Степного Уложения Республики Калмыкия закреплялась «вся полнота суверенной государственной власти на своей территории». Такие же положения обнаруживаются и в конституциях республик Карелия, Коми, Северная Осетия, Татарстан. Конституция Республики Дагестан закрепила понятие собственного гражданства и объявила республику самостоятельным участником международных и внешнеэкономических отношений и связей. Преамбула Конституции Чеченской Республики (Ичкерия) начиналась с выражения воли Всевышнего Аллаха и провозглашала республику абсолютно самостоятельным государством [5, с. 175—186]. Статья 39 Конституции Республики Саха (Якутия) гласила, что республика на основе Федеративного договора добровольно передает на определенный срок в ведение федеральных органов государственной власти часть принадлежавших ей суверенных прав. Статья 65 Конституции Республики Бурятия устанавливала, что республиканские законы обладают верховенством на всей ее территории по всем вопросам, за исключением тех, которые добровольно делегированы ею в ведение федеральных органов государственной власти. В соответствии со ст. 61, 64 и 68 Конституции Республики Бурятия в ведении Российской Федерации находятся предметы ведения республики, которые она добровольно делегировала Российской Федерации, оставив за собой право отзыва полномочий в случае их недобросовестного осуществления федеральными органами.

В свое время Президент Республики Татарстан М.Ш. Шаймиев заявил, что Федеративный договор и другие двусторонние договоры Татарстана и Российской Федерации имеют надконституционный статус, то есть более высокую юридическую силу, нежели Конституция РФ и Конституция Татарстана [11, 6]. Статья 1 Конституции Республики Татарстан гласит, что республика является полноправным субъектом РФ, объединенным с Россией на основе Конституции РФ и Конституции Республики Татарстан, а также договора о разграничении и взаимном делегировании полномочий. Это мнение разделяет также правовед-конституционалист Е.Б. Султанов, который считает термин «региональное законодательство» неправомерным. Он полагает, что развитие федеративных отношений требует извест-

ной децентрализации России на основе учета многообразия интересов российских национально-государственных образований. Он также полагает, что носителями суверенитета должны стать многонациональный народ России и многонациональный народ Татарстана и что полнота государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной) вне пределов ведения федерального центра должна стать основанием для признания приоритета законодательства Республики Татарстан перед федеральным законодательством [43, с. 31—33].

Идея полицентрической федерации со всей очевидностью предполагает учет интересов различных этнических культур, уровня экономического развития различных национальностей и климатических условий их проживания. М.Ш. Шаймиев заявлял, что «основанием неравенства субъектов является многообразие регионов, вытекающее из климатических, географических, этнических, исторических, религиозных, культурных и политических особенностей, а элементы асимметрии есть в любой федерации» [49, с. 97, 4, 44]. Таким образом, он выступал против конституционного принципа равноправия субъектов РФ, который обязывает органы федеральной власти перераспределять бюджетные средства, поступающие от экономически более развитых субъектов, в пользу менее развитых субъектов на основании единых критериев [28].

По мнению некоторых ученых-правоведов, несмотря на ощутимые позитивные сдвиги в деле развития федеративных отношений, деятельность органов конституционного правосудия в этом направлении как на федеральном, так и на региональном уровне все еще оставляет желать лучшего [47]. Ввиду того, что статьи 72 и 73 Конституции РФ не содержат четких правовых критериев разграничения совместных и региональных предметов ведения, компетенции и ответственности федерального центра и субъектов Федерации, органы конституционной юстиции России, в особенности Конституционный Суд РФ, в пределах своих возможностей могли бы правомерно и гибко конкретизировать замысел «отцов-основателей» содержания ныне действующей Конституции РФ, внести ясность в федеративные отношения и тем самым непрерывно и мирно разрешать возникающие споры между составными частями Российской Федерации [50].

По вопросам регулирования федеративных отношений Конституционный Суд РФ имеет вполне определенные правовые позиции, согласно которым федеративные отношения строятся на основе Конституции РФ, и потому все федеративные договоры между Российской

Федерацией и ее субъектами должны быть производны от Основного Закона Российского государства. Такой подход предполагает недопустимость одностороннего выхода какого-либо субъекта РФ из ее состава, а изменение статуса субъектов не может повлиять на изменение территории и границ Российского государства [25]. В этом контексте субъекты РФ имеют определенную самостоятельность в издании собственных нормативных правовых актов, однако они не вправе включать в свои конституции и уставы положения о своем суверенитете, праве выхода из состава Российской Федерации и другие положения, которые нарушали бы государственно-территориальную целостность России [26, 29]. При отсутствии федерального закона, регулирующего вопросы совместного ведения, субъекты Российской Федерации первоначально были вправе принимать свои законы, однако после принятия соответствующего федерального закона они обязаны привести принятые законы в соответствие с федеральным законодательством [27].

Конституционный Суд РФ, проверяя конституционность Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан от 30.08.1990 и Закона Республики Татарстан о референдуме от 29.11.1991, постановил, что субъекты РФ не вправе произвольно ограничивать сферу действия положений Конституции РФ и федеральных законов либо приостанавливать их действие [2].

Согласно п. «а» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ обеспечение соответствия конституций и законов республик, уставов, законов и иных нормативных правовых актов краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов Конституции РФ и федеральным законам входит в сферу совместного ведения федерального центра и региональных властей. Законодательные и исполнительные органы субъектов РФ обязаны своевременно отменять все неконституционные положения законодательства, принятого на их территориях. Суды же общей юрисдикции правомочны признавать недействительность положений региональных конституций, уставов, законов и подзаконных актов, которые были приняты вопреки требованиям Конституции РФ и федерального законодательства [3].

Согласно постановлению Конституционного Суда РФ от 22.01.2002 некоторые конституционные и законодательные положения (например, ч. 2 ст. 69, ч. 2 ст. 70 и ст. 90 Конституции Республики Татарстан; п. 2 ст. 4 и п. 8 ст. 21 Закона Республики Татарстан «О выборах народных депутатов Республики Татарстан») о проведении выборов в Государственный Совет Республики Татарстан по админи-

стративно-территориальным округам и территориальным округам были признаны не соответствующими ч. 2 и 3 ст. 3, ч. 1 и 2 ст. 19 и ч. 1 и 2 ст. 32 Конституции РФ [40]. Основанием для признания их неконституционными послужило то, что они нарушали принципы проведения свободных выборов на основе всеобщего и равного избирательного права.

Представляется, что в процессе гармонизации российского законодательства Конституция РФ должна стать сердцевинной его обновления [42]. Конституционный Суд РФ и другие органы конституционной юстиции должны стать одними из самых активных участников приведения огромного массива российского законодательства (сотни законов, указов, постановлений, инструкций и т.д.) в полное соответствие с Конституцией РФ [8, с. 22]. В этом плане конституционные и уставные суды субъектов Российской Федерации имеют немало возможностей для укрепления конституционных основ государства и всей системы действующего законодательства посредством устранения его пробельности и внутренней противоречивости.

Принимая то или иное решение, Конституционный Суд РФ, как правило, старается учитывать особенности субъектов РФ. Например, в постановлении Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17.04.1996 «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» [35] отмечалось, что уровень создания муниципального образования зависит от особенностей субъектов РФ: подбор уровня должен приблизить местное самоуправление к населению, а не отдалять. Тем не менее, как отмечают некоторые отечественные ученые-федералисты, Конституционный Суд РФ в своих правовых позициях не всегда учитывает мнение субъектов РФ в федеральном законодательном процессе, что, как они полагают, противоречит логике федерализма и способствует его разрушению [5, с. 256, 264]. Так, например, в своем определении от 08.06.2000 № 134-О [39] Конституционный Суд РФ выявил, что Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» не содержит исчерпывающего перечня полномочий органов законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Закон только устанавливает, что законами субъектов РФ регулируются иные вопросы, относящиеся к ведению самих субъектов России. Такая законодательная неопределенность искусственно создает много противоречий, которые становятся причиной смешения и дублирования полномочий федеральных и региональных органов государственной власти в сфере федеративных правоотношений, решение которых не может быть эффективным на уровне импровизированных определений и постановлений Конституционного Суда РФ. Это еще раз свидетельствует о конституционной недостаточности¹ России в деле упорядочения федеративно-договорных правоотношений.

Как видим, основная причина не всегда последовательных решений Конституционного Суда РФ кроется в образовавшихся во время революционных переделов политической власти «родимых пятнах» действующего конституционного законодательства России. Стало быть, проблемы федерализма следует решать прежде всего на уровне четкой теоретической концепции федеративных правоотношений и основанных на этой концепции Конституции РФ и других федеральных конституционных законах. В этом контексте федеральному законодателю необходимо внести соответствующие коррективы в свою деятельность, направленную на правомерное и перспективное развитие федеративных правоотношений.

Известно, что объектом проверки правомерности и конституционности являются нормы российского субстанционального² и процессуального конституционного права, которые могут исходить непосредственно от народа в форме его решений на референдумах, от законодательной и исполнительной власти в форме федеральных законов, указов и распоряжений Президента РФ как главы государства, постановлений и распоряжений Правительства РФ, региональных органов государственной власти, а также органов местного самоуправления. И на всех этих уровнях конституционные и уставные суды обязаны осуществлять контроль и надзор за правомерностью [23] и конституционностью нормативных правовых актов, т.е. за их полным соответствием идее и непреходящим ценностям права, Конституции РФ, конституциям и уставам ее субъектов.

На основании п. «а» ст. 72 Конституции РФ обеспечение соответствия конституций, уставов, законов и иных нормативных правовых

¹ Под понятием «конституционная недостаточность» автор имеет в виду как наличие пробелов в Основном Законе, так и неправомерные или внутренне противоречивые положения в нем.

² Представляется, что унаследованное от советско-материалистической юридической терминологии понятие «материальное право» является не совсем удачным правовым термином, поскольку идея права, которая не содержит в себе ни грамма «материи», может содержать в себе лишь определенный предмет или сферу регулирования (substantial law).

актов субъектов РФ Конституции РФ входит в пределы совместного ведения в области государственно-правового строительства, хотя само принятие конституции, устава, законов и иных нормативных актов и контроль за их реализаций входят в сферу собственного ведения субъектов РФ. В случаях разногласий между центральными и региональными властями сами субъекты Российской Федерации могут в Конституционном Суде РФ оспаривать правомерность и конституционность тех или иных федеральных законов, нормативных актов Президента РФ, палат Федерального Собрания РФ, положений договоров между субъектами РФ и федеральным центром. Так что в современных федеративных правоотношениях существует не только прямая субординационная («сверху вниз») связь, но и обратная координационная («снизу вверх») связь, которая позволяет субъектам РФ своевременно повлиять на процессы принятия политико-правовых решений центра. В постановлении от 11.04.2000 № 6-П Конституционный Суд РФ совершенно справедливо указал на недопустимость произвольного присвоения органами государственной власти Российской Федерации всей полноты полномочий по предметам совместного ведения и на необходимость учета правомерных интересов национально-государственных образований Российской Федерации [18].

Таким образом, как видим, способы решения рассмотренных выше и других проблем, связанных с гармонизацией российского законодательства, в частности, с развитием федеративных правоотношений, в ближайшем будущем должны быть отчасти предусмотрены в самом тексте обновленной Конституции РФ [21, с.163—191] на основе правовых позиций и с учетом многолетнего как положительного, так и горького опыта Конституционного Суда РФ с целью предотвращения неправомерного законотворчества субъектов РФ по вопросам национального суверенитета и предметам совместного ведения. Для вящей действенности сама Конституция РФ должна иметь в основе единую теоретическую концепцию и правовую идеологию, которые позволили бы российскому законодателю четко разграничить предметы ведения и полномочия Российской Федерации и ее субъектов [17].

Идея и каждодневная практическая необходимость единообразного обновления российского законодательства должна стать постоянным импульсом в деле грядущих конституционных преобразований России с активным

участием органов конституционной юстиции, которые, как видим, имеют немало возможностей для укрепления конституционных основ государства [15]. В своей деятельности Конституционный Суд РФ, равно как и все другие органы конституционной юстиции России, обязаны постоянно учитывать многообразные правовые измерения [14] для определения и применения понятий правомерности и конституционности при решении конкретных дел, в частности, при активном упорядочении федеративно-договорных и прочих конституционных правоотношений между субъектами РФ. Конституционный Суд РФ посредством правомерного решения конкретных дел и выработки определенных правовых позиций может и обязан посредством использования своего права законодательной инициативы¹, закрепленного в ст. 104 Конституции РФ, помогать законодателю своевременно вносить соответствующие изменения и дополнения в федеральное законодательство, а также задавать конституционным и уставным судам субъектов РФ правильные концептуальные направления их целенаправленной деятельности по гармонизации российского законодательства. Конституционный Суд РФ и другие органы конституционной юстиции России смогут успешно решать проблемы совершенствования федеративных правоотношений и гармонизации российского законодательства только тогда, когда им в полной мере удастся теоретически осознать свой конституционно определенный особый статус и профессионально поддерживать постоянный контроль и надзор за состоянием российского законодательства в тесном сотрудничестве между собой и с другими органами судебной власти России.

Список литературы

1. Барциц И.Н. Федеративная ответственность: конституционно-правовые аспекты. — М., 1999.
2. Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1993. № 1.
3. Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2000. № 5.
4. Выступление Президента Татарстана М. Шаймиева // Российская газета. 1998. 14 февраля.
5. Глигич-Золотарева М.В. Правовые основы федерализма. — М., 2006.
6. Думский вестник. 1996. № 4. С.83.
7. Карасев М.Н. Институт совместного ведения Российской Федерации и субъектов Федерации: необходимы серьезные изменения // Журнал российского права. 2001. № 9.
8. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Л.А. Окунькова. — М., 2002.

¹ Истины ради следует заметить, что Конституционный Суд РФ в своей многолетней правоприменительной практике, к великому сожалению, не совсем ответственно использует свое конституционное право законодательной инициативы и выполняет свою прямую функциональную обязанность в деле необходимой постоянной модернизации и гармонизации российских законов в соответствии с духом и положениями Конституции РФ.

9. Конституция Российской Федерации: поста-
тейные материалы. — М., 2005.
10. *Лексин И.В.* Договорное регулирование феде-
ративных отношений в России. — М., 1998.
11. Московские новости. 1994. 10 июня.
12. *Овсепян Ж.И.* Двусторонние договоры Рос-
сийской Федерации и республик в ее составе // Севе-
ро-Кавказский юридический вестник. 1999. № 4.
13. *Осипян Б.А.* Возможности укрепления право-
вых основ Российского государства органами кон-
ституционного правосудия. — М., 2009.
14. *Осипян Б.А.* Дух правотерии, или основание
межерологии права. — М., 2009.
15. *Осипян Б.А.* Защита органами конституцион-
ного правосудия России основ правопорядка, обще-
признанных прав и свобод личности // Современное
право. 2006. № 11.
16. *Осипян Б.А.* Идея саморазвивающейся право-
вой системы // Журнал российского права. 2004.
№ 4.
17. *Осипян Б.А.* Конституционно-судебная про-
верка правомерности международных и внутригосу-
дарственных договоров // Московский журнал меж-
дународного права. МГИМО. 2007. № 2.
18. *Осипян Б.А.* Критерии правомерности типов
и форм государства // История государства и права.
2007. № 18.
19. *Осипян Б.А.* Место Конституционного Суда
Российской Федерации в системе органов государ-
ственной власти // «Черные дыры» в российском
законодательстве. 2006. № 3.
20. *Осипян Б.А.* Новый правовой завет депутатам
парламентов мира, или конституционная система
правовой ответственности законодателей // Пред-
ставительная власть — XXI век. 2003. № 1 и 4.
21. *Осипян Б.А.* Послание к Президенту, предсе-
дателям палат Федерального Собрания, Правитель-
ству и Конституционному Суду Российской Федера-
ции в связи с необходимостью своевременного про-
ведения конституционных преобразований в России
«О необходимости концептуальной разработки еди-
ной правовой идеологии как основания Конститу-
ции Российской Федерации» // Возможности ук-
репления правовых основ Российского государства
органами конституционного правосудия. — М.,
2009.
22. *Осипян Б.А.* Право-идеологическое основание
Конституции России 1993 года // Возможности
укрепления правовых основ Российского государ-
ства органами конституционного правосудия. — М.,
2009.
23. *Осипян Б.А.* Проблемы толкования консти-
туционных положений // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 7.
24. Послание Президента Российской Федерации
Федеральному Собранию от 8 июля 2000 года // Рос-
сийская газета. 2000. 11 июля.
25. Постановление Конституционного Суда Рос-
сийской Федерации от 13 марта 1993 года // Вест-
ник Конституционного Суда Российской Федера-
ции. 1993. № 1.
26. Постановление Конституционного Суда Рос-
сийской Федерации от 31 июля 1995 года // Вестник
Конституционного Суда Российской Федерации.
1995. № 5.
27. Постановление Конституционного Суда Рос-
сийской Федерации от 1 февраля 1996 года // Вест-
ник Конституционного Суда Российской Федера-
ции. 1996. №1.
28. Постановление Конституционного Суда Рос-
сийской Федерации от 15 июля 1996 года // Вестник
Конституционного Суда Российской Федерации.
1996. №4.
29. Постановление Конституционного Суда Рос-
сийской Федерации от 7 июня 2000 года // Россий-
ская газета. 2000. 21 июня.
30. Российская газета. 1999. 30 июня.
31. Российская газета. 2000. 20 июня.
32. Собрание законодательства Российской
Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.
33. Собрание законодательства Российской
Федерации. 1995. № 33. Ст. 3424.
34. Собрание законодательства Российской
Федерации. 1996. № 12. Ст. 1058.
35. Собрание законодательства Российской
Федерации. 1997. № 5. Ст. 708.
36. Собрание законодательства Российской
Федерации. 1997. № 19. Ст. 3581.
37. Собрание законодательства Российской
Федерации. 1997. № 29. Ст. 3581.
38. Собрание законодательства Российской
Федерации. 1998. № 3. Ст. 429.
39. Собрание законодательства Российской
Федерации. 2000. № 28. Ст. 3000.
40. Собрание законодательства Российской
Федерации. 2002. № 6. Ст. 627.
41. Собрание законодательства Российской
Федерации. 2004. № 47. Ст. 4691.
42. Соотношение законодательства Российской
Федерации и законодательства субъектов Рос-
сийской Федерации. — М., 2003.
43. *Султанов Е.Б.* Некоторые проблемы консти-
туционного развития Республики Татарстан // Кон-
ституция как символ эпохи. — М., 2004. Т.2.
44. *Тадевосян Э.В.* О моделировании в теории
федерализма и проблеме асимметрии федераций //
Государство и право. 1997. № 8.
45. Указ Президента Российской Федерации от
21 июня 2001 года №741 // Собрание законодатель-
ства Российской Федерации. № 26. Ст.2652.
46. *Умнова И.А.* Конституционные основы рос-
сийского федерализма. — М., 1998.
47. *Умнова И.А.* Федерализм и конституционное
правосудие в России. — М., 1999.
48. *Чиркин В.Е.* Новый российский федерализм:
стратегия и тактика //Право и политика. 2000. № 12.
49. *Шаймиев М.* Суверенный Татарстан. — М.,
1997.
50. *Шахрай С.М.* Конституционное правосудие в
системе российского федерализма. — СПб., 2001.
51. *Elazar D.* Federalism and the Way to Peace.
Institute of Intergovernmental Relations// Queens
University, Kingston. — Ontario (Canada), 1994.
52. *Hannum H.* Autonomy, Sovereignty and self-
Determination. — Philadelphia, 1990.
53. *King P.* Federalism and Federation. — Baltimo-
re, 1982.
54. *Riker W.H.* Federalism: Origin, Operation, Sig-
nificance. — Boston (Mass), 1964.
55. *Stone G.* Constitutional Law. — L., 1991.

The Role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Processes of Improvement of Federative Relations and Harmonisation of the Constitutions, Charters and Laws of Subjects of the Russian Federation

Boris A. Osipyan,

Cand. in Law, Assoc. Prof.

Russia, Moscow

artos5@mail.ru

Opinion speaks out that Constitutional Court of the Russian Federation by decision of certain cases and working out of legal views ought to help law-maker to amend and supply federal legislation and to give conceptual directions to the constitutional and charter courts of subjects of the Russian Federation in their activity on harmonization of the Russian legislation.

Keywords: perfection of federal legal relationships, right of legislative initiative, correct conceptual directions, harmonization of Russian legislation.

References

1. Bartsits I.N. Federativnaia otvetstvennost': konstitutsionno-pravovye aspekty. — M., 1999.
2. Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii. 1993. № 1.
3. Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii. 2000. № 5.
4. Vystuplenie Prezidenta Tatarstana M.Shaimieva // Rossiiskaia gazeta. 1998. 14 fevralia.
5. Gligich-Zolotareva M.V. Pravovye osnovy federalizma. — M., 2006.
6. Dumskii vestnik. 1996. № 4. S. 83.
7. Karasev M.N. Institut sovmejnogo vedeniia Rossiiskoi Federatsii i sub'ektov Federatsii: neobkhodimy ser'eznye izmeneniia // Zhurnal rossiiskogo prava. 2001. № 9.
8. Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii / pod red. L.A. Okun'kova. — M., 2002.
9. Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii: postateinye materialy. — M., 2005.
10. Leksin I.V. Dogovornoe regulirovanie federativnykh otnoshenii v Rossii. — M., 1998.
11. Moskovskie novosti. 1994. 10 iiunia.
12. Ovsepian Zh.I. Dvustoronnie dogovory Rossiiskoi Federatsii i respublik v ee sostave // Severo-Kavkazskii iuridicheskii vestnik. 1999. № 4.
13. Osipian B.A. Vozmozhnosti ukrepleniia pravovykh osnov Rossiiskogo gosudarstva organami konstitutsionnogo pravosudiia. — M., 2009.
14. Osipian B.A. Dukh pravometrii, ili osnovanie mezherologii prava. — M., 2009.
15. Osipian B.A. Zashchita organami konstitutsionnogo pravosudiia Rossii osnov pravoporiadka, obshchepriznannykh prav i svobod lichnosti // Sovremennoe pravo. 2006. № 11.
16. Osipian B.A. Ideia samorazvivaiushcheisia pravovoi sistemy // Zhurnal rossiiskogo prava. 2004. № 4.
17. Osipian B.A. Konstitutsionno-sudebnaia proverka pravomernosti mezhdunarodnykh i vnutrigosudarstvennykh dogovorov // Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava. MGIMO. 2007. № 2.
18. Osipian B.A. Kriterii pravomernosti tipov i form gosudarstva // Istoriia gosudarstva i prava. 2007. № 18.
19. Osipian B.A. Mesto Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii v sisteme organov gosudarstvennoi vlasti // «Chernye dyry» v rossiiskom zakonodatel'stve. 2006. № 3.
20. Osipian B.A. Novyi pravovoi zavet deputatam parlamentov mira, ili konstitutsionnaia sistema pravovoi otvetstvennosti zakonodatelei // Predstavitel'naia vlast' — XXI vek. 2003. № 1 i 4.
21. Osipian B.A. Poslanie k Prezidentu, predsedateliu palat Federal'nogo Sobraniia, Pravitel'stvu i Konstitutsionnomu Sudu Rossiiskoi Federatsii v sviazi s neobkhodimost'iu svoevremennogo provedeniia konstitutsionnykh preobrazovanii v Rossii «O neobkhodimosti kontseptual'noi razrabotki edinoi pravovoi ideologii kak osnovaniia Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii» // Vozmozhnosti ukrepleniia pravovykh osnov Rossiiskogo gosudarstva organami konstitutsionnogo pravosudiia. — M., 2009. S. 163-191.
22. Osipian B.A. Pravo-ideologicheskoe osnovanie Konstitutsii Rossii 1993 goda // Vozmozhnosti ukrepleniia pravovykh osnov Rossiiskogo gosudarstva organami konstitutsionnogo pravosudiia. — M., 2009.
23. Osipian B.A. Problemy tolkovaniia konstitutsionnykh polozhenii // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2007. № 7.
24. Poslanie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii Federal'nomu Sobraniui ot 8 iiulia 2000 goda // Rossiiskaia gazeta. 2000. 11 iiulia.
25. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 13 marta 1993 goda // Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii. 1993. № 1.
26. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 31 iiulia 1995 goda // Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii. 1995. № 5.
27. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 1 fevralia 1996 goda // Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii. 1996. № 1.

28. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 15 iiulia 1996 goda // Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii. 1996. № 4.
29. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 7 iiunia 2000 goda // Rossiiskaia gazeta. 2000. 21 iiunia.
30. Rossiiskaia gazeta. 1999. 30 iiunia.
31. Rossiiskaia gazeta. 2000. 20 iiunia.
32. Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 1994. № 13. St. 1447.
33. Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 1995. № 33. St. 3424.
34. Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 1996. № 12. St. 1058.
35. Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 1997. № 5. St. 708.
36. Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 1997. № 19. St. 3581.
37. Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 1997. № 29. St. 3581.
38. Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 1998. № 3. St. 429.
39. Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2000. № 28. St. 3000.
40. Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2002. № 6. St. 627.
41. Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2004. № 47. St. 4691.
42. Sootnoshenie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii i zakonodatel'stva sub"ektov Rossiiskoi Federatsii. — M., 2003.
43. Sultanov E.B. Nekotorye problemy konstitutsionnogo razvitiia Respubliki Tatarstan // Konstitutsiia kak simvol epokhi. — M., 2004. T. 2. S. 31—33.
44. Tadevosian E.V. O modelirovanii v teorii federalizma i probleme asimmetrii federatsii // Gosudarstvo i pravo. 1997, № 8.
45. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 21 iiunia 2001 goda № 741 // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. № 26. St. 2652.
46. Umnova I.A. Konstitutsionnye osnovy rossiiskogo federalizma. — M., 1998.
47. Umnova I.A. Federalizm i konstitutsionnoe pravosudie v Rossii. — M., 1999.
48. Chirkin V.E. Novyi rossiiskii federalizm: strategii i taktika // Pravo i politika. 2000. № 12.
49. Shaimiev M. Suverennyi Tatarstan. — M., 1997.
50. Shakhrai S.M. Konstitutsionnoe pravosudie v sisteme rossiiskogo federalizma. — SPb., 2001.
51. Elazar D. Federalism and the Way to Peace. Institute of Intergovernmental Relations. Queens University, Kingston. — Ontario (Canada), 1994.
52. Hannum H. Autonomy, Sovereignty and self-Determination. — Philadelphia, 1990.
53. King P. Federalism and Federation. — Baltimore, 1982.
54. Riker W.H. Federalism: Origin, Operation, Significance. — Boston (Mass), 1964.
55. Stone G. Constitutional Law. — L., 1991.